

Научная статья

УДК 343.811

doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.003

Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, utkinva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>, WoS ResearcherID: 0-8426-2014

Реферат

Введение: в статье рассматриваются нормативно-правовые основы и практика реализации закрепленного в ст. 8 УИК РФ принципа рационального применения мер принуждения. Отмечается неоднозначность его понимания в теории уголовно-исполнительного права. *Исследование:* используя в качестве методологической основы системный подход, автор обосновывает то, что данный принцип не сводится к экономии принуждения, и предполагает его необходимость и достаточность в конкретных условиях уголовно-исполнительной деятельности. Выделяя из всей системы мер пенитенциарного принуждения меры пенитенциарной ответственности, он одновременно усматривает в ней подсистемы дисциплинарной (уголовно-исполнительной) и уголовной ответственности осужденных в местах лишения свободы. Они, в свою очередь, могут быть исследованы как системы-модели, закрепленные в законе, и системы мер, реализуемые на практике. С привлечением в качестве аргументов опубликованных данных ведомственной статистики ФСИН России показывается, что и система-модель, и система мер в практике исполнения лишения свободы не в полной мере достигают своих целей, а поэтому принцип рациональности принуждения реализуется недостаточно эффективно. *Выводы:* предлагается изменить наименование и содержание ст. 321 УК РФ, назвав ее «Систематические злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания». Одновременно следует пересмотреть установленный в ч. 1 и 2 ст. 116 УИК РФ перечень злостных нарушений порядка отбывания наказания; ввести промежуточную категорию грубых нарушений и исключить из числа злостных повторное простое нарушение. Кроме того, следует предоставить начальнику учреждения право при совершении осужденным деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УИК РФ, в зависимости от обстоятельств дела и личности виновного не признавать такое нарушение злостным.

Ключевые слова: пенитенциарный правопорядок; рациональность принуждения; пенитенциарная ответственность.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Уткин В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 29–36. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.003.

Original article

Rationality of Coercion as a Principle to Regulate Execution of Prison Sentences

VLADIMIR A. UTKIN

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkinva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>; WoS ResearcherID: 0-8426-2014

Abstract

Introduction: the article discusses the regulatory framework and practice of implementing a principle of rational use of coercive measures enshrined in Article 8 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Ambiguity of its understanding is noted in the theory of penal enforcement law. *Research:* using a systematic approach as a methodological basis, the author substantiates that this principle is not reduced to the economy of coercion, but assumes its necessity and sufficiency

in specific conditions of penal enforcement activity. Singling out penalties from the entire system of coercive measures, the author simultaneously identifies subsystems of disciplinary (penal enforcement) and criminal liability of convicts in places of deprivation of liberty. They, in turn, can be studied as model systems enshrined in the law, and systems of measures implemented in practice. Using the published data of departmental statistics of the Federal Penitentiary Service as arguments, the author shows that both systems in the enforcement of imprisonment do not fully achieve their goals, and therefore the principle of rationality of coercion is not implemented effectively enough. *Conclusions*: it is proposed to change the name and content of Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation to “Systematic malicious violations of the established procedure for serving a sentence” and amend its content. At the same time, a list of malicious violations of the order of serving a sentence established in Part 1 and Part 2 of Article 116 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation should be revised; an intermediate category of major violations should be introduced and a repeated mere violation should be excluded from their number of malicious ones. In addition, a head of the institution should be entitled not to recognize a violation as malicious when a convicted person commits an act provided for in Part 1 of Article 116 of the Penal Enforcement Code, depending on circumstances of the case and identity of the culprit.

Key words: penitentiary law and order; rationality of coercion; penitentiary liability.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Utkin V. A. Rationality of coercion as a principle to regulate execution of prison sentences. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 29–36. doi: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.003.

В ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации среди принципов уголовно-исполнительного законодательства закреплён принцип рационального применения мер принуждения. Сразу отметим противоречие в тексте данной статьи: её название говорит о принципах законодательства, а содержание – о принципе правоприменения.

Кроме того, нормативно-правовые основы уголовно-исполнительной деятельности не исчерпываются уголовно-исполнительным законодательством (кодексом и другими федеральными законами). Необходимо иметь в виду и иные нормативные правовые акты, затрагивающие вопросы исполнения наказаний (ст. 4 УИК РФ). В этой связи в теоретическом, нормотворческом и правоприменительном аспектах более точно рассматривать данный и иные перечисленные в ст. 8 принципы как принципы уголовно-исполнительного правового регулирования. Эта позиция была ранее обоснована нами в коллективной монографии, посвящённой теоретической модели Общей части нового УИК РФ [8, с. 64–65]. С учётом сказанного выше следует понимать данный принцип как принцип рациональности принуждения.

В теории уголовно-исполнительного права до сей поры нет должной определенности, является ли этот принцип самостоятельным либо составляет содержание иных принципов, какова его взаимосвязь с принципами законности, гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, стимулирования правопослушного поведения осуждённых и т. д. [21, с. 80–82]. Есть мнение, что принцип рационального применения мер принуждения должен быть заменён на общеправовой принцип стимулирования [18, с. 168–173]. С этим едва ли можно согласиться, ибо предлагаемое обобщение не отражает два противоположных вектора стимулирования – позитивный (поощрение) и негативный (санкции и иные принудительные меры). Нельзя не учитывать и специфику такой объёмной и многоплановой сферы принуждения, как исполнение наказания, которое по определению (ст. 43 УК РФ) само по

себе является мерой государственного принуждения, в особенности лишение свободы как изоляция осуждённого в пенитенциарном учреждении. Правильное понимание принципа рациональности принуждения как принципа уголовно-исполнительного правового регулирования необходимо не только для нормотворчества, но и для оптимальной организации уголовно-исполнительной деятельности, формирования профессионального менталитета сотрудников уголовно-исполнительной системы и адекватного восприятия последней обществом.

С. Н. Смирнов рассматривает рациональность как единый принцип применения мер принуждения и средств исправления осуждённых и определяет её следующим образом: «разумность, рассудочность, целесообразность» [15, с. 54–56]. Это, впрочем, мало добавляет к пониманию его конкретного содержания, так как все средства воздействия на осуждённых должны быть разумны и целесообразны. Указание автора на необходимую достаточность всех мер воздействия на осуждённых как критерий рациональности последних как раз свидетельствует о невозможности существования рассматриваемого принципа в качестве единого для всех средств исправления и стимулирования. Ведь исследуемые с таких позиций векторы и интенсивность данных средств прямо противоположны: при позитивном развитии личности осуждённого степень принуждения в отношении него должна снижаться, а некарательное исправительное воздействие – расширяться. И напротив, изменения в худшую сторону требуют применения более строгих мер принуждения, которые, в свою очередь, сужают арсенал позитивного исправительного воздействия [19, с. 134–138].

Нет сомнения, что важнейшая составляющая принципа рациональности принуждения – его экономия. Н. И. Ланкин в этой связи писал, что более правильно именовать данный принцип принципом экономии принудительных средств (экономии репрессии) [5, с. 49]. Соглашаясь в данном контексте с применением термина «экономия», необходимо уточнить, что эко-

номия репрессии в уголовно-исполнительной сфере не идентична экономии принуждения: последняя гораздо шире, ею должен быть пронизан весь комплекс закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве принудительных мер. Это меры, выражающие степень и качество изоляции осужденных (их размещение, условия содержания, число получаемых ими посылок, передач и т. п.), меры взыскания (ст. 115–117, 136 УИК РФ и др.), меры безопасности (ст. 82, 85, 86 УИК РФ, гл. 5 закона Российской Федерации от 21.07.1993 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»). Последние в этом перечне в международных актах нередко определяются как средства усмирения.

Правила и принципы их применения устанавливаются, в частности, Минимальными стандартными правилами ООН в отношении обращения с заключенными (Правилами Нельсона Манделы) 2015 г. Статья 36 Правил устанавливает, что «дисциплину и порядок следует поддерживать, вводя только те ограничения, которые необходимы для обеспечения надежности надзора, безопасного функционирования тюремного учреждения и соблюдения должных правил общежития в нем». При этом «средства усмирения должны использоваться только в течение необходимого времени, методы усмирения должны быть наименее жесткими из тех, что необходимы (выделено мной. – В. У.), и разумно применимы, и они должны быть сняты как можно скорее после того, как риски... перестают существовать» (ст. 48).

Требования экономии принуждения актуальны не только в отношении мер безопасности, но и в отношении изменения условий отбывания наказаний, а также применяемых к осужденным мер взыскания. Правила Нельсона Манделы предписывают администрации учреждений обеспечивать «соразмерность дисциплинарного взыскания и нарушения» (ст. 39), никогда не применять в качестве взыскания за дисциплинарные нарушения «средства усмирения» (ст. 43), прибегать к одиночному заключению лишь как к крайней мере и в течение как можно более короткого времени (ст. 45).

Важный специфический критерий рациональности принуждения при лишении свободы – экономия принудительных средств в области ответственности и мер безопасности. Данный аспект стал теоретическим основанием формулировки нами в Теоретической модели Общей части нового УИК РФ специального принципа – принципа экономии принуждения. В проекте соответствующей статьи (ст. 19) указывается, что, во-первых, «принуждение при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера оправдано только тогда, когда иные формы обращения и контроля оказываются или предполагаются недейственными с учетом уровня и характера действительного или возможного правонарушающего поведения осужденного и возникающих рисков». В ч. 2 рассматриваемой статьи говорится о том, что «более строгие меры принуждения оправданы лишь тогда, когда менее строгие не дают результата». Наконец, в ч. 3 ст. 19 проекта закрепляется, что «средства принуждения используются только в течение необходимого времени» [8, с. 83].

Тем не менее из сказанного вовсе не следует, что экономия принуждения – единственный критерий его

рациональности. Здесь представляется весьма конструктивным анализ всей совокупности правовых мер принуждения в сфере исполнения лишения свободы как целостного комплекса, некоей системы обеспечения правопорядка (режима) в исправительных учреждениях, включающей в том числе подсистему мер пенитенциарной юридической ответственности. Последняя, в свою очередь, состоит из подсистемы мер дисциплинарной ответственности и подсистемы мер уголовной ответственности осужденных. В силу ограниченности объема данной статьи именно меры ответственности станут предметом дальнейшего рассмотрения.

Среди прочих философских интерпретаций системного подхода наиболее ценным представляется так называемый целевой методологический подход, получивший в свое время подробное обоснование в трудах В. Н. Сагатовского и более поздних авторов [17, с. 73–75; 10, с. 69–75]. Под системой в его рамках понимается объект, действия которого по достижению стоящей перед ним цели обеспечиваются конструкцией данного объекта, то есть совокупностью составляющих его необходимых и достаточных элементов, находящихся в определенных отношениях. С таких позиций целостность всякой системы определяется ее способностью достигать определенных целей. При применении данного варианта системного подхода к общественной жизни (и к правовым явлениям в том числе) термины «цель» и «задача» различаются лишь степенью конкретизации. В данной области представляют интерес как минимум два аспекта системного подхода: дескриптивный (выделение систем из всего многообразия существующих объектов) и конструктивный (построение систем при заданных целях и внешних условиях) [16, с. 72].

Определяющие свойства системы – необходимость и достаточность ее элементов. Противоположными характеристиками будут их избыточность или недостаточность, снижающие или вовсе устраняющие системные качества объекта. Понятно, что о степени необходимой достаточности можно более-менее обоснованно судить, лишь приняв во внимание цели системы и совокупность существующих внешних условий (факторов).

Эти, казалось бы, отвлеченные философские суждения могут быть использованы как методология научного анализа степени системности мер принуждения в целом и мер юридической ответственности осужденных в частности. Такая системность – необходимое условие рациональности мер принуждения.

Прежде всего, конечно, встает вопрос о целях системы мер юридической ответственности. Необходимо различать эффективность норм и эффективность проводимых на их основе мероприятий. Поэтому здесь очевидны два взаимосвязанных аспекта: во-первых, система мер ответственности как реально применяемых государством мер уголовно-исполнительного (дисциплинарного) и уголовно-правового принуждения; во-вторых, эта же система как закрепленная в законе правовая модель. Последней целью, очевидно, выступает полноценная и непротиворечивая реализация при правоприменении. Целью системы мер принуждения как совокупности реально применяемых государством

средств обычно определяется обеспечение правопорядка в учреждениях, «предупреждение пенитенциарных правонарушений» [11, с. 4–5]. На более глубоком уровне понимания появляется, на наш взгляд, обеспечение меры (количественно-качественной характеристики) юридической наказуемости, адекватной состоянию, структуре и динамике пенитенциарной деликтности и типовым свойствам личности отдельных групп пенитенциарных правонарушителей.

Типовым характеристикам пенитенциарных правонарушителей в литературе уделено значительное внимание [11, с. 39–41; 9, с. 70–102; 2, с. 59–99], поэтому в рамках данной статьи остановимся на пенитенциарных правонарушениях.

Как известно, в последние годы общее число осужденных в российских исправительных колониях неуклонно сокращается. Если в 2016 г. оно составляло 480 039 чел., то на 1 июля 2021 г. уменьшилось на 30 % – до 341 335 чел. Сокращение применения реального лишения свободы закономерно вело к ухудшению состава осужденных в исправительных учреждениях за счет увеличения среди них осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также ранее судимых. В 2015 г. доля таких лиц среди осужденных к лишению свободы составляла 60 %, в 2017 г. – 62,5 %, в 2018 г. – уже 65,6 % [3, с. 46].

Судя по данным ведомственной статистики ФСИН России, в 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы уровень преступности продолжал расти и в расчете на 1000 чел. достиг 2,59 (в 2019 г. – 2,19). Всего было зарегистрировано 1184 преступления. В то же время количество зарегистрированных особо учитываемых преступлений, к которым, согласно приказу Минюста России от 20.07.2021 № 101, относятся деяния, предусмотренные ст. 105, 111, ч. 1 и 2 ст. 212 УК РФ, сократилось на 17,8 % (с 45 в 2019 г. до 37 в 2020 г.). Только за первые 6 месяцев 2021 г. в местах лишения свободы было зарегистрировано 561 преступление, причем наибольшая их часть (413) – в исправительных колониях.

Вместе с тем в доступной ведомственной статистике нет сведений о таких актуальных для уголовно-исполнительной системы преступлениях осужденных, как причинение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), не говоря уже о том, что данные преступления ныне вообще исключены из категории особо учитываемых.

Растворение указанных деяний в группе «иных преступлений» ведет к усилению их латентности и не способствует адекватному криминологическому анализу оперативной обстановки в исправительных учреждениях и целенаправленной борьбе с ними. Отмечалось, что преступления, предусмотренные ст. 321 УК РФ, занимают 18 % в структуре пенитенциарной преступности и их количество возрастает [11, с. 19]. По данным, опубликованным ранее, изменение количества преступлений, квалифицированных по ч. 3 ст. 321 УК РФ, не имеет четкой тенденции (в 2016 г. – 8, в 2017 г. – 6, в 2018 г. – 13, в 2019 г. – 17, в 2020 г. – 13) [7, с. 354]. В конечном счете возникает

нестыковка данных о состоянии преступности в УИС и сведений о совершенных осужденными нарушений порядка и условий отбывания наказания (режима).

Как свидетельствует статистика, за первое полугодие 2021 г. уровень нарушений осужденными порядка отбывания наказания по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. в расчете на 1000 осужденных возрос на 6 % и составил 782. Уровень злостных нарушений режима в расчете на 1000 осужденных составил 26, причем в исправительных колониях вырос на 26 %. С января по июнь 2021 г. осужденными в исправительных колониях совершено 276 972 нарушения режима, в том числе 9000 злостных. Среди последних преобладают изготовление, хранение или передача запрещенных предметов (4163), на втором месте – совершенное в течение года повторное нарушение (2921), замыкают тройку лидеров отказы от работы (1005). Заметное место занимают угроза, неповиновение представителям администрации учреждений или их оскорбление (719), причем за указанный период зафиксировано 192 случая применения осужденными насилия к персоналу исправительных учреждений, в том числе 68 – с причинением вреда здоровью, а 4986 раз сотрудниками в отношении осужденных применялись специальные средства и газовое оружие.

Иные злостные нарушения порядка и условий отбывания наказания, закрепленные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ, в дисциплинарной практике исправительных колоний отражены крайне скупо, однако сопоставление соответствующих данных с результатами оперативно-режимной деятельности позволяют судить о высокой степени их латентности (в том числе искусственно создаваемой).

В первом полугодии 2021 г. среди 80 488 осужденных, стоявших на профилактическом учете, 8683 значились как склонные к употреблению спиртных напитков, наркотических и психотропных веществ. За этот период в учреждениях было изъято 15 715 л спиртных напитков кустарного производства и 4800 л спиртных напитков промышленного производства. Однако число зафиксированных таких злостных нарушений, как употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ, составило всего 111.

Среди стоявших на учете на конец первого полугодия 2021 г. 955 – «лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности», 1343 – «организующие и провоцирующие групповые противодействия законным требованиям администрации», 986 – отбывающие наказание за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки. В то же время в ведомственной статистике злостных нарушений не зафиксировано ни одного факта организации забастовок или иных групповых неповиновений осужденных либо активного в них участия, а также ни одного факта организации группировок осужденных, направленных на совершение злостных нарушений.

В первом полугодии 2020 г. на профилактическом учете в исправительных колониях состояло 197 осужденных, признанных нуждающимися в принудительном лечении. Однако в число злостных нарушений за тот же период не вошло ни одного случая уклонения осужденных от такого лечения.

На этом фоне весьма тревожит и то, что во всей массе отраженных в ведомственной статистике злостных нарушений порядка и условий отбывания наказания постепенно начинают превалировать предусмотренные ч. 2 ст. 116 УИК РФ повторяющиеся в течение года простые нарушения. К сожалению, статистика ФСИН России не отражает структуру этой совокупности.

В свое время закрепление в ч. 1 ст. 116 УИК РФ конкретного перечня злостных нарушений режима не без оснований расценивалось как способ сокращения произвольного усмотрения администрации исправительных учреждений в применении наиболее строгих мер дисциплинарных взысканий [4, с. 306–307]. Часть 2 данной статьи представляет собой некое вынужденное исключение. Сейчас же это исключение фактически превратилось в правило: из 9000 зарегистрированных в первом полугодии 2021 г. злостных нарушений 2921 (31,6 %) – повторные простые нарушения.

Возвращаясь к сказанному ранее о системе-модели и системе мер, подчеркнем справедливость вывода о том, что закрепленная ныне в ч. 1 ст. 116 УИК РФ система-модель в части предусмотренных видов злостных нарушений не достигает целей, так как имеющиеся юридические возможности на практике используются явно недостаточно. На наш взгляд, это справедливо и в отношении системы мер взыскания, приведенной в ст. 115 УИК РФ. Перечень начинается с выговора (п. «а» ч. 1) и дисциплинарного штрафа (п. «б» ч. 1), которые в числе примененных мер в статистике ФСИН России вовсе не отражены. Среди упомянутых в ней взысканий на первом месте по распространенности находится водворение осужденных в штрафной изолятор (91 %).

Уровень нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказания в 2020 г. по сравнению с 2019 г. возрос на 8 %, а в первом полугодии 2021 г. по сравнению с АППГ – на 6 %. Уровень злостных нарушений в расчете на 1000 чел. составил соответственно 26 и 20, причем в исправительных колониях он вырос на 29 %. Парадоксально, но одновременно снижается как общее число осужденных, признанных злостными нарушителями, так и использование в качестве мер ответственности единых помещений камерного типа (ЕПКТ). Если в 2016 г. злостными нарушителями было признано 22 310 осужденных, то в 2017 г. – 20 664, в 2018 г. – 18 938, в 2020 г. – 17 370, а в первой половине 2021 г. – 16 340 чел.

Среднегодовое число осужденных в ЕПКТ в 2016 г. составляло 2092 чел. (примерно 50 % лимита), в 2018 г. – 1685 (45 %), в 2020 г. – 1274 (35 %), в первой половине 2021 г. – 1224 (33 %). В итоге трудно объяснить следующее: общее количество осужденных в местах лишения свободы с 2016 по 2021 г. уменьшилось на 30 % (с ухудшением их качества), а количество злостных нарушителей сократилось на 42 %. Таким образом, единые помещения камерного типа как одна из наиболее острых легальных мер взыскания ныне используются едва ли на треть, что также говорит о недостаточной эффективности предусмотренной в законе системы дисциплинарных санкций и порядка их применения.

В конечном счете, подходя к этому с позиций системной характеристики необходимой достаточ-

ности, нельзя не констатировать, что на практике принцип рациональности принуждения реализуется далеко не в полной мере.

В значительной степени это справедливо и для другой подсистемы мер пенитенциарной ответственности – уголовной ответственности. Речь идет, прежде всего, о необходимости определенной модернизации ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». По обоснованному мнению многих ученых и практиков, ее профилактический потенциал используется пока далеко не полностью.

Причины этого во многом кроются в обстоятельствах бюрократического свойства, таких как: специфика статистического учета, отчетность в уголовно-исполнительной системе. Но нельзя не принять во внимание саму ст. 321, прежде всего потому, что ее наименование неудачно и не соответствует объективной стороне предусмотренного ею деяния, степени его завершенности (порождая, к примеру, вопрос, формальный это состав или материальный). Не соответствует оно и общественной опасности данного деяния, явно завышая ее. В этой связи следует поддержать авторов, полагающих, что дезорганизация деятельности исправительного учреждения не входит в объективную сторону состава данного преступления, поэтому следует отказаться от использования соответствующего термина в тексте уголовного закона [12, с. 7]. Предложения о включении дезорганизации в рассматриваемый состав в качестве уголовно значимой цели организованных групп отрицательной направленности [6, с. 14] едва ли могут быть приняты по причине невозможности ее достоверного установления уголовно-процессуальными средствами.

Дополнительным аргументом может послужить история вопроса. Как известно, УК РСФСР 1960 г. в первые годы своего существования не предусматривал уголовной ответственности за деяния такого рода. В тот относительно короткий период в подобных случаях применялась фактически по аналогии ст. 77 УК РСФСР (бандитизм). Статья 77 УК РСФСР находилась в главе «Иные государственные преступления». Лишь впоследствии, в 1962 г., в Кодекс была введена ст. 77¹ «Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений», по которой ответственности подлежали особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления. Статья 77¹ также находилась в гл. 2 «Иные государственные преступления», что говорило о высокой общественной опасности деяния.

Но далеко не все преступления такого рода по степени их опасности могли быть квалифицированы по ст. 77¹, поэтому предлагалось дополнить Кодекс статьей об уголовной ответственности осужденных за злостные нарушения режима [14, с. 55]. Лишь двадцать лет спустя, в 1983 г., в УК РСФСР была введена ст. 188³ «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения». Ответственность по ней несли осужденные, ранее в течение года переводившиеся в помещение камерного типа (одиночную камеру) либо в тюрьму. Повышенная ответственность по ч. 2 ст. 188³ предусматривались

для особо опасных рецидивистов либо осужденных за тяжкие преступления.

Данный состав, в отличие от предусмотренного ст. 77¹, был включен в гл. 8 «Преступления против правосудия». Тем самым общественная опасность этого преступления все же признавалась меньшей, нежели действий, дезорганизующих работу ИТУ.

В ходе подготовки УК РФ 1996 г. статья, подобная ст. 77¹ УК РСФСР, в кодекс включена не была, однако ее наименование обрела ст. 321, пришедшая на смену ст. 188³ УК РСФСР и помещенная в гл. 32 «Преступления против порядка управления». Подобный симбиоз едва ли способствовал должной реализации профилактического потенциала ст. 321 УК РФ, создавая искаженное представление о степени общественной опасности деяния.

Заключение

Во-первых, на наш взгляд, подобная статья ныне вполне могла бы быть преобразована в статью «Систематические злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания». Как справедливо писал профессор А. Л. Ременсон, «когда злостные нарушения режима превращаются в систему, они приобретают качество общественной опасности и в случае безуспешности других мер воздействия, принятых администрацией ИТУ, должны влечь за собой уголовную ответственность» [13, с. 31].

Применению такой нормы должно предшествовать назначение осужденному в течение года дисциплинарного взыскания за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания в виде выдворения в ПКТ, ЕПКТ, одиночные камеры. Тем самым она, очевидно, с одной стороны, превратится в бланкетную, а с другой – будет предполагать так называемую уголовно-исполнительную преюдицию. Следовательно, ее введение в УК РФ возможно только в тесной взаимосвязи с изменением соответствующих положений Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Поэтому, во-первых, нуждается в ревизии ч. 1 ст. 116 УИК РФ в части сокращения предусмотренных ею деликтов. В ней следует оставить лишь такие нарушения, которые действительно опасны для существующего в учреждениях правопорядка, посягают на интересы безопасности и управляемость мест лишения свободы и отражают действительную злостность нарушителей. Целесообразно, к примеру, исключить из числа злостных нарушений отказ осужденных от ра-

боты либо употребление ими спиртных напитков, если последнее не сопряжено с действиями насильственного характера, мелкое хулиганство и т. д. Одновременно следует расширить перечень злостных нарушений за счет включения в него совершения осужденными актов членовредительства либо голодовки в целях пожелания администрации к выполнению явно незаконных действий либо прекращения законных действий. Например, ст. 361 Уголовного кодекса Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность осужденных за «совершение акта членовредительства группой лиц, содержащихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, в целях дестабилизации нормальной деятельности учреждений либо воспрепятствования законной деятельности сотрудников учреждения». Степень фактической применимости этой нормы нам, к сожалению, неизвестна.

Во-вторых, часть рассматриваемых нами нарушительных способна образовать отдельную промежуточную группу грубых нарушений режима, которые, с одной стороны, могли бы быть основаниями применения взыскания в виде водворения в ПКТ, а с другой – не составили бы отмеченной выше уголовно-исполнительной преюдиции. Сходная градация пенитенциарных правонарушений на малозначительные, менее тяжкие, тяжкие (злостные) и особо тяжкие (особо злостные) уже предлагалась в литературе [20, с. 10–13; 21].

В-третьих, необходимо исключить из ст. 116 УИК РФ возможность признания злостным нарушением совершение в течение одного года повторного нарушения установленного порядка отбывания наказания, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в штрафной или дисциплинарный изолятор. При необходимости подобное нарушение могло бы признаваться грубым.

В-четвертых, нужно предоставить начальнику учреждения право и при совершении осужденным деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УИК РФ, в зависимости от обстоятельств дела и личности виновного не признавать это нарушение злостным.

Наконец, требуется усилить вневедомственный, в том числе общественный, контроль за водворением осужденных в помещения камерного типа, тем самым устраняя почву для обвинения администрации со стороны некоторых правозащитников и осужденных в предвзятом отношении к последним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаян, С. Л. Правовое регулирование поощрений и взысканий в исправительных учреждениях / С. Л. Бабаян // Преступление и наказание. – 2004. – № 12. – С. 26–28.
2. Брезгин, Н. И. Криминальная обстановка (ситуация) в исправительных учреждениях России. Теоретические и прикладные проблемы / Н. И. Брезгин. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2006. – 326 с. – ISBN 978-5-98344-043-2.
3. Звечаровский, И. С. Система уголовных наказаний: теория, закон, практика / И. С. Звечаровский, Д. С. Пархоменко // Уголовное право. – 2019. – № 4. – С. 43–48.
4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / ответственный редактор А. И. Зубков. – Москва : Норма : Инфра-М, 1997. – 408 с. – ISBN 5-89123-569-2, 5-16-000752-0.
5. Ланкин, Н. И. О принципах уголовно-исполнительного права / Н. И. Ланкин // Актуальные проблемы государства и права в современный период : сборник статей / ответственный редактор В. Ф. Волович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – Часть 1. – С. 49–50.
6. Легостаев, С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: сравнительно-правовой и личностно-ориентированный аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Легостаев Сергей Валентинович. – Рязань, 2010. – 23 с.

7. Лобанова, Е. С. Актуальные вопросы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в условиях реализации компетентностного подхода в образовательном процессе / Е. С. Лобанова, Т. В. Кириллова, В. В. Смыковский // *Пенитенциарная наука*. – 2021. – Том 15, № 2 (54). – С. 350–362.
8. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Итоги и обоснования теоретического моделирования / под научной редакцией В. И. Селиверстова. Москва : Юриспруденция, 2017. – 328 с. – ISBN 978-5-9516-0789-8.
9. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антояна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2009. – 566 с. – ISBN 978-5-7743-0270-3.
10. Перегудов, Ф. И. Основы системного анализа / Ф. И. Перегудов, Ф. П. Тарасенко. – Томск : Изд-во НТЛ, 2001. – 369 с. – ISBN 5-89503-115-3.
11. Предупреждение пенитенциарных правонарушений : методическое пособие / под общей редакцией В. В. Цатурова. – Москва : ОУ ФСИН России : НИИ ФСИН России, 2014. – 98 с.
12. Примак, А. А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Примак Александр Александрович. – Красноярск, 2003. – 26 с.
13. Ременсон, А. Л. Избранные труды / А. Л. Ременсон. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2003. – 100 с. – ISBN 5-7511-1728-X.
14. Ременсон, А. Л. Как воздействовать на злостных нарушителей режима / А. Л. Ременсон // *К новой жизни*. – 1964. – № 8. – С. 53–55.
15. Российское уголовно-исполнительное право : учебник для студентов вузов : в 2 томах. Том 1: Общая часть / под редакцией В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – Москва : МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2010. – 343 с. – ISBN 978-5-902406-08-2.
16. Сагатовский, В. Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода / В. Н. Сагатовский // *Философские науки*. – 1976. – № 3. – С. 67–78.
17. Сагатовский, В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. – 431 с.
18. Сизая, Е. А. Принципы уголовно-исполнительного права: вопросы теории и практики / Е. А. Сизая. – Чебоксары : ЧКИ РУК, 2008. – 384 с.
19. Уткин, В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В. А. Уткин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. – 190 с.
20. Федяев, А. Е. Меры взыскания, применяемые в исправительных учреждениях / А. Е. Федяев. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2004. – 123 с. – ISBN 5-94552-034-9.
21. Чубраков, С. В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / С. В. Чубраков. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. – 128 с. – ISBN 978-5-94621-427-8.

REFERENCES

1. Babayan S.L. Legal regulation of incentives and penalties in correctional institutions. *Prestuplenie i nakazanie=Crime and Punishment*, 2004, no. 12, pp. 26–28. (In Russ.).
2. Bregzin N.I. *Kriminal'naya obstanovka (situatsiya) v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossii. Teoreticheskie i prikladnye problemy* [Criminal situation in correctional institutions of Russia. Theoretical and applied problems]. Ryazan. APU FSIN Rossii, 2006. 326 p.
3. Zvecharovskii I.S., Parkhomenko D.S. System of criminal penalties: theory, law, practice. *Ugolovnoe pravo=Criminal Law*, 2019, no. 4, pp. 43–48. (In Russ.).
4. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation]. Ed. by A.I. Zubkov. Moscow: Infa. M. Norma. 1997. 528 p.
5. Lankin N.I. On the principles of penal enforcement law. In: Volovich V.F. (Ed.). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava v sovremennyyi period: sb. statej* [Actual problems of state and law in the modern period: collection of articles]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998. Pp. 49–50. (In Russ.).
6. Legostaev S.V. *Dezorganizatsiya deyatel'nosti uchrezhdenii, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva. Avtoref. diss... kand. yurid. nauk* [Disorganization of activities of institutions providing isolation from society: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2010. 23 p.
7. Lobanova E.S., Kirillova T.V., Smykovskii V.V. Developing the readiness of correctional officers to act in emergency situations in the context of implementation of the competence-based approach in educational process. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15. № 2 (54), pp. 350–362. (In Russ.).
8. *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. Itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General part of the amended Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Results and justifications of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya. 2017. 328 p.
9. *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Penitentiary criminology]. Ryazan. APU FSIN Rossii. 2009. 567 p.
10. Peregudov F.I., Tarasenko F.P. *Osnovy sistemnogo analiza* [Fundamentals of system analysis]. Tomsk: Izdatel'stvo NTL. 2001. 369 p.
11. *Preduprezhdenie penitentsiarnykh pravonarushenii: metodicheskoe posobie* [Prevention of penitentiary offenses: methodical manual]. Ed. by V.V. Tsaturov. Moscow: OU FSIN, NII FSIN RF. 2014. 98 p.
12. Primak A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, posyagayushchie na ustanovlennyyi poryadok ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody: Avtoref. diss... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for crimes infringing on the established procedure for execution of punishment in the form of imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnoyarsk. SFU. 2003. 26 p.
13. Remenson A.L. *Izbrannyye Trudy* [Selected works]. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU. 2003. 100 p.
14. Remenson A.L. How to influence malicious regime violators. *K novoi zhizni=To a New Life*, 1964, no. 8, pp. 53–55. (In Russ.).

15. *Rossiiskoe ugovno-ispolnitel'noe pravo. Tom I. Obshchaya chast'* [Russian Penal Enforcement law. Volume I. General part]. Ed. by V.E. Eminov, V.N. Orlov. Moscow: MGYuA, 2010. 344 p.
16. Sagatovskii V.N. Experience in building a categorical apparatus of a systematic approach. *Filosofskie nauki=Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1976, no. 3, pp. 67–78. (In Russ.).
17. Sagatovskii V.N. *Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategorii* [Fundamentals of systematization of universal categories]. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU, 1973. 431 p.
18. Sizaya E.A. *Printsipy ugovno-ispolnitel'nogo prava: voprosy teorii i praktiki* [Problem of principles in penal enforcement law: history and modernity]. Cheboksary: ChKI RUK. 2008 384 p.
19. Utkin V.A. *Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdeistvie* [Punishment and correctional labor impact]. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU. 1984. 190 p.
20. Fedyaev A.E. *Mery vzyskaniya, primenyaemye v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Penalties applied in correctional institutions]. Barnaul. 2004. 123 p.
21. Chubakov S.V. *Problema printsipov v ugovno-ispolnitel'nom prave: istoriya i sovremennost'* [Problem of principles in penal enforcement law: History and modernity]. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU. 2015. 128 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия, utkinva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>, WoS ResearcherID: 0-8426-2014

VLADIMIR A. UTKIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Penal Enforcement Law and Criminology of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkinva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>, WoS ResearcherID: 0-8426-2014

Статья поступила 01.02.2022